Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 33–46.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 33–46.

Научная статья
УДК 332.1+339.5+339.9+338.24
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

Дальний Восток России и Северо-Восток КНР: концептуальные модели торгово-экономических взаимодействий и реальность

Дмитрий Александрович Изотов
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, izotov@ecrin.ru

Аннотация. Цель – анализ концептуальных моделей совместного развития экономики Дальнего Востока с Северо-Востоком КНР, а также параметров российско-китайских торговых взаимосвязей в данных регионах. Определены основные характеристики концептуальных моделей внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока с Северо-Востоком КНР: естественная экономическая территория, Япономорское интеграционное кольцо, интеграционная приграничная зона, ресурсный транзит, промышленно-сервисные дуги. Показано, что за последние годы регионы Северо-Востока КНР, особенно Хэйлунцзян, аккумулировали потоки российских сырьевых товаров и нарастили поставки продукции на рынок России, открыв возможности для увеличения приграничной торговли. Определено, что в условиях широкомасштабных санкций против российской экономики доля Китая во внешней торговле Дальнего Востока стала подавляющей, а важность южных дальневосточных регионов как "контактной" зоны для взаимодействия России с китайской экономикой значительно возросла.
Ключевые слова: *торговля, приграничная торговля, внешнеэкономические взаимодействия, модель развития региона, регион, приграничный регион, Северо-Восточная Азия, Китай, Северо-Восток КНР, Россия, Дальний Восток*

Статья подготовлена в рамках государственного задания НИР Института экономических исследований ДВО РАН.

Для цитирования: Изотов Д. А. Дальний Восток России и Северо-Восток КНР: концептуальные модели торгово-экономических взаимодействий и реальность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 33–46. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

The Russian Far East and Northeast China: Conceptual Models of Economic Interactions and Reality

Dmitry A. Izotov
Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia, izotov@ecrin.ru

Abstract. The aim of the study is to analyze conceptual models of joint economic development of the Russian Far East (RFE) with the Northeast China, as well as the dynamics of Russian-Chinese trade relations in these regions. The main characteristics of conceptual models of RFE and Northeast China interactions are defined: Natural Economic Territory; Japan Sea integration ring; Integration Border Zone; Resource Transit; Industrial and Service Arcs. It is shown that in recent years, regions of Northeast China, especially Heilongjiang Province, have accumulated imports of Russian raw materials and increased exports to the Russian market, opening up opportunities for the development of cross-border trade. Under the conditions of large-scale sanctions against the Russian economy, China's share in the RFE's foreign trade has become dominant, and the importance of the southern RFE regions as a "contact" zone for Russia's interaction with the Chinese economy has increased significantly.
Keywords: *trade, border trade, foreign economic interactions, regional development model, region, border region, Northeast Asia, China, Northeast China, Russia, Russian Far East*

The article was prepared within the framework of the state assignment for research of the Institute of Economic Research of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Izotov D. A. The Russian Far East and Northeast China: Conceptual Models of Economic Interactions and Reality // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 33–46.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/33-46

Введение

Интенсивность торгово-экономических связей дальневосточной экономики с сопредельными тихоокеанскими странами на протяжении всей истории была различной по причине как внутренних, так и внешних политических условий и установок. Однако, при прочих равных условиях, тяготение экономики Дальнего Востока[1] к странам АТР, расположенным в Северо-Восточной Азии (СВА), является объективным процессом. Несмотря на то что

[1] Дальний Восток рассматривается в границах Дальневосточного федерального округа (ДФО) по состоянию на 2018 г.: Амурская область, Еврейская автономная область (ЕАО), Забайкальский край, Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Хабаровский край и Чукотский автономный округ (ЧАО).

© Изотов Д. А., 2026.

развитие Дальнего Востока в советский период диктовалось в том числе оборонными задачами, тем не менее взаимодействие с рядом стран АТР рассматривалось в контексте рационального размещения производительных сил на основе экспорта сырьевых товаров **[14; 26, с. 121]**. Для российского Дальнего Востока начало 1990-х гг. было связано в том числе с переориентацией его экономических связей на рынок стран АТР **[19]**. Начало рыночных реформ придало импульс тенденции расширения внешнеторгового сотрудничества Дальнего Востока со странами СВА, не последнюю роль среди которых играл Китай, а прежде всего его северо-восточные приграничные регионы. Наличие протяжённой государственной границы между южными регионами Дальнего Востока и регионами Северо-Востока КНР (далее – СВК[2]) стало рассматриваться как возможность совместного экономического развития России и Китая на региональном уровне **[20; 24]** в условиях общего политического сближения руководства данных стран **[21; 25]**.

Экономика Дальнего Востока характеризуется малым рынком при выпуске избыточных для собственного потребления сырьевых товаров. Поэтому для реализации сравнительных преимуществ притяжение к ближайшим крупным зарубежным рынкам, в том числе к СВК, отражает естественный процесс развития дальневосточной экономики. Одним из эффективных способов реализации такого рода преимуществ является экономическая открытость, реализуемая посредством как кооперации, так и интеграции, снижающих барьеры для обмена товарами, услугами и факторами производства. Действительно, с одной стороны, оценки товарооборота регионов Дальнего Востока с Китаем **[23]** и регионов СВК с Россией **[28]**, при прочих равных условиях, подтверждают наличие возможностей расширения двусторонних торгово-экономических трансграничных взаимодействий между странами при снижении барьеров. С другой стороны, накоплено определённое число исследований, описывающих особенности экономик Дальнего Востока и СВК, сдерживающих взаимодействия между ними: системные ограничения инвестиционно-экономических взаимосвязей **[12]**; неформальные барьеры приграничного сотрудничества **[16]**; политические, гуманитарные, структурные и институциональные проблемы **[4; 8; 10; 11]**.

При общем понимании наличия барьеров, препятствующих тесному экономическому и гуманитарному взаимодействию регионов двух стран, тем не менее признаётся **[1; 13]**, что для развития трансграничного сотрудничества благоприятным фактором является взаимодополняемость экономик данных территорий России и Китая. Более того, применительно к экономическим взаимодействиям Дальнего Востока с СВК предлагались и обсуждались различные модели, отражающие, пусть в агрегированном виде, разные варианты совместного экономического развития приграничных регионов двух стран **[5]**. Для понимания имеющихся перспектив и ограничений совместного развития регионов двух стран представляется важным соотнесение характеристик данных моделей с реальным процессом экономических взаимодействий Дальнего Востока с СВК. Также важным аспектом является анализ динамики и структуры российско-китайских торговых взаимодействий через СВК и Дальний Восток соответственно в условиях "разворота" экономики России в восточном направлении при ужесточении санкций "западных" стран.

Поэтому целью исследования является анализ концептуальных моделей совместного развития экономики Дальнего Востока с СВК, а также параметров российско-китайских торговых взаимосвязей в рамках данных регионов. Для достижения цели решались следующие задачи: 1) анализ характеристик моделей совместного развития экономики Дальнего Востока с СВК; 2) оценка динамики и структуры торговли приграничных регионов Дальнего Востока и СВК с китайским и российским рынками соответственно. В рамках российского Дальнего Востока приграничными с КНР регионами являются: Забайкальский край, Амурская область, ЕАО, Хабаровский и Приморский края. Соответственно, к приграничным с Россией регионам СВК относятся: АР Внутренняя Монголия, провинции Хэйлунцзян и Цзилинь.

---

[2] СВК включает четыре китайских региона: провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, а также автономный район (АР) Внутренняя Монголия.

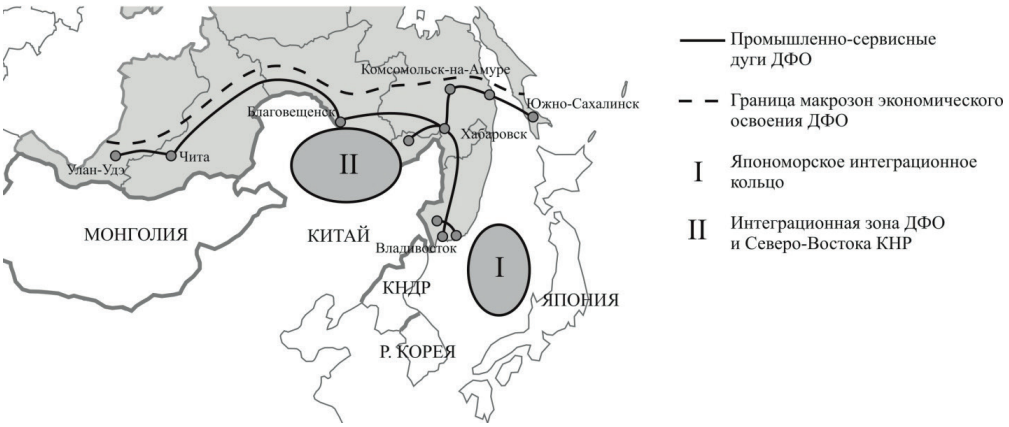

Рис. 1. Некоторые ключевые концептуальные модели внешнеэкономического развития Дальнего Востока России.

Источник: **[22]**.

Fig. 1. Some key conceptual models of RFE economic development with the Northeast Asian countries.

Source: **[22]**.

СВК в моделях внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока

Во второй половине 1980-х гг. руководством СССР допускалось расширение многостороннего сотрудничества в контексте общей торгово-экономической открытости дальневосточных регионов со странами СВА с опорой на капитал и технологии развитых стран, главным образом Японии. В условиях ослабления геополитической напряжённости между странами СВА в конце 1980-х гг. была выдвинута модель "естественной экономической территории" **[26]** в СВА, предполагающая совместное развитие экономик данной территории на основе взаимодополняющих факторов производства и природных ресурсов[3].

В рамках данной модели сравнительно небольшая обеспеченность трудовыми ресурсами на Дальнем Востоке могла быть компенсирована притоком трудовых мигрантов как из приграничных регионов КНР, так и из КНДР. В дальнейшем, отталкиваясь от общих положений "естественной экономической территории", в СВА была предложена модель "Япономорское интеграционное кольцо" **[19]** на основе совместных инфраструктурных проектов и снижения экономических барьеров *(рис. 1)*.

"Япономорское интеграционное кольцо" охватывало значительную часть юга Дальнего Востока и восточную часть СВК **[29]**. Центральным ядром данной модели являлось создание приграничной и трансграничной транспортно-энергетической инфраструктуры в СВА при основополагающей роли регионов южной части Дальнего Востока. В рамках "Япономорского интеграционного кольца" предполагалось совместное развитие "Туманганского проекта" на стыке государственных границ России, КНР и КНДР **[18, с. 318]**. Однако по политическим и экономическим причинам реализация данного проекта, как и "Япономорского интеграционного кольца", была приостановлена, что объяснялось позицией КНДР, а также диверсификацией транспортных маршрутов и поставок сырьевых товаров ведущими экономиками СВА. Позиция России по участию в "Туманганском проекте" не отличалась большой заинтересованностью ввиду опасений создания прямого конкурента портам юга Дальнего Востока. В таких условиях российская сторона в 2000-е – первой половине 2010-х гг. предприняла действия для перенаправления транзита части грузов СВК через портовую и железнодорожную инфраструктуру юга Приморского края **[5]**. Что касается снижения торгово-экономических барье-

[3] Япония и Республика Корея – избыточные капитал и технологии; КНР – труд, природные ресурсы и капитал; КНДР – труд; Монголия и Тихоокеанская Россия (Дальний Восток) – природные ресурсы.

ров в СВА, то членство стран в ВТО, а в последующем – заключённые торговые и инвестиционные интеграционные соглашения между КНР, Республикой Корея и Японией во второй половине 2000-х – первой половине 2020-х гг. заместили перспективные выгоды от создания "Япономорского интеграционного кольца".

Ослабление экономических связей регионов Дальнего Востока с отечественным рынком и возросшая необходимость насыщения рынка российского макрорегиона потребительскими товарами в первой половине 1990-х гг. привели к развитию приграничной торговли с регионами СВК **[10]**. В условиях снижения государственного "патронажа" над развитием экономики Дальнего Востока появилась модель "интеграционной приграничной зоны" дальневосточных регионов с СВК **[9]**. Данная модель отталкивалась от того, что Китай для Дальнего Востока является потенциально крупным быстрорастущим экономическим партнёром, для эффективного взаимодействия с которым необходима транспортно-транзитная инфраструктура и снижение барьеров для ведения бизнеса. Помимо этого, виделось встречное стремление со стороны Китая по созданию "приграничного пояса открытости" на основе специальных зон с льготными режимами для ведения бизнеса на территории СВК **[11; 15]**. Однако модель "интеграционной приграничной зоны" дальневосточных регионов с СВК перестала быть актуальной по следующим причинам: усиление централизации в России и закрепление тесной связи Дальнего Востока с отечественным рынком; стремление России к диверсификации торгово-экономических связей в пользу АТР. Со второй половины 2000-х гг. интенсификация торговли России с КНР опиралась не на формирование отдельного свободного трансграничного пространства, а на централизованное расширение товарообмена с китайским рынком. В связи с увеличением на российской стороне барьеров взаимодействий с зарубежными странами неизбежно "сжимались" сравнительные масштабы приграничной торговли с КНР в пользу прямых поставок товаров **[8]**. Также в условиях контроля импорта интенсифицировался ввоз продукции на Дальний Восток из других регионов России.

В период поэтапного нивелирования возможностей расширения приграничных экономических связей между дальневосточным югом и СВК, Дальний Восток для России с 2000-х гг. стал восприниматься как один из важных элементов консолидации внешнеторговой и транспортной ренты. В таких условиях была сформулирована модель "ресурсного транзита" для взаимодействия Дальнего Востока с близлежащими зарубежными странами, предполагающая создание магистральных путей экспорта российских сырьевых товаров в СВА, а также поступления китайских товаров на рынок России через территорию макрорегиона **[2; 17]**. Данная модель объективно не придавала значения развитию приграничных торгово-экономических взаимодействий юга Дальнего Востока с СВК, предусматривая создание условий для географической диверсификации экспорта сырьевых товаров на рынок АТР в целом, без какой-либо привязки к отдельному рынку, в том числе к китайскому.

При отсутствии возможностей развития приграничного сотрудничества на региональном уровне с середины 2000-х гг. модели расширения внешних экономических взаимодействий Дальнего Востока стали отталкиваться от возможностей переработки сырьевых товаров на территории дальневосточного юга для экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью, в том числе на китайский рынок. Для этого регионы юга Дальнего Востока при прочих равных условиях должны были аккумулировать необходимые ресурсы: капитал, технологии и рабочую силу из российских и зарубежных источников. В рамках такого подхода была предложена модель "промышленно-сервисных дуг" **[13]** Дальнего Востока на основе эксплуатации транспортно-энергетического коридора России со странами СВА, что могло способствовать трансформации части торговых потоков в продукцию и услуги. Одним из важных аспектов данной модели являлось разделение Дальнего Востока на макрозоны экономического северную, предполагающую очаговое развитие, и южную – с опорой – с опорой на крупнейшие агломерации макрорегиона. Развитие "промышленно-сервисных дуг" Дальнего Востока могло быть осуществлено в южной макрозоне, включая приграничную с СВК территорию, в рамках свободных экономических зон. Последующие попытки программных взаимодействий между странами указали на наличие системных и институциональных

ограничений экономического сотрудничества на региональном уровне **[6]**: отсутствие налоговых льгот и снятия барьеров для перемещения факторов производства; привязка к реализации конкретных проектов с высокими рисками; слабая вовлечённость частного бизнеса; невозможность децентрализации внешнеэкономических взаимодействий.

Далее, по причине резкого расхождения России с "западными" странами, со второй половины 2010-х гг. китайское направление в российской внешнеэкономической политике стало актуальным, что отразилось в ускоренном возведении транзитной инфраструктуры экспорта углеводородного сырья на рынок Китая[4], а также в замещении аналогами из КНР продукции "западных" стран. Ввиду отсутствия необходимого капитала, технологий, а также высоких рисков в экономике в целом создание территорий опережающего развития на Дальнем Востоке, предполагающих особые условия для бизнеса за счёт государственных инвестиций, в условиях санкций с 2014 г. в целом не привело к реализации модели "промышленно-сервисных дуг". В приграничных регионах Дальнего Востока стали создаваться единичные проекты по переработке небольшой части сырьевых товаров в продукцию с более высокой добавленной стоимостью, например, переработка природного газа в Амурской области. Однако ввиду высокой автономности данных проектов, осуществляемых на средства российских компаний федерального уровня, их значение в генерации системных эффектов для экономики приграничных регионов Дальнего Востока оставалось незаметным.

Российско-китайская торговля через СВК и Дальний Восток

Основными фундаментальными факторами, способствующими развитию торговли между странами (между регионами двух стран), являются **[30]**: территориальная близость, наличие сухопутной государственной границы, снижение тарифных и нетарифных барьеров, размер экономик. Следует заметить, что СВК является самым близким зарубежным рынком для большинства регионов юга Дальнего Востока. При этом по состоянию на 2024 г. только на территории некоторых приграничных дальневосточных регионов имелись грузопассажирские круглогодичные сухопутные пункты пропуска через государственную границу с Китаем: железнодорожный и автомобильный в Забайкальском и Приморском краях, автомобильный – в Амурской области; железнодорожный – в ЕАО. Важной проблемой в экономических взаимодействиях России и КНР является наличие тарифных и нетарифных барьеров по причине отсутствия зоны свободной торговли между Китаем и странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в котором принимает участие российская сторона[5].

Экономика СВК заметно превосходила дальневосточную: ВРП СВК в текущих ценах составил к 2024 г. 1247,5 млрд долл.[6], увеличившись в 20 раз по сравнению с 1992 г. (62,0 млрд)[7], ВРП Дальнего Востока 127,2 млрд долл.[8],

---

[4] Ответвление нефтепровода "Восточная Сибирь – Тихий океан", газопровод "Сила Сибири".

[5] Тем не менее две страны являются участницами ВТО, решая возникающие торговые споры как на двустороннем уровне, так и используя механизмы глобального интеграционного формата.

[6] По состоянию на 2024 г.: Ляонин – 453,2 млрд долл., АР Внутренняя Монголия – 365,7 млрд долл., Хэйлунцзян – 229,0 млрд долл., Цзилинь – 199,6 млрд. долл. Рассчитано по данным Национального статистического бюро КНР.

[7] По состоянию на 1992 г.: Ляонин – 26,7 млрд долл., АР Внутренняя Монголия – 7,6 млрд долл., Хэйлунцзян – 17,5 млрд долл., Цзилинь – 10,1 млрд долл. Рассчитано по: данные Национального статистического бюро КНР.

[8] По состоянию на 2024 г.: Амурская область – 11,0 млрд долл., ЕАО – 1,2 млрд долл., Забайкальский край – 9,8 млрд долл., Камчатский край – 5,0 млрд долл., Магаданская область – 5,7 млрд долл., Приморский край – 23,1 млрд долл., Республика Бурятия – 6,2 млрд долл., Республика Саха (Якутия) – 27,3 млрд долл., Сахалинская область – 18,1 млрд долл., Хабаровский край – 17,1 млрд долл., ЧАО – 2,4 млрд долл. Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики России.

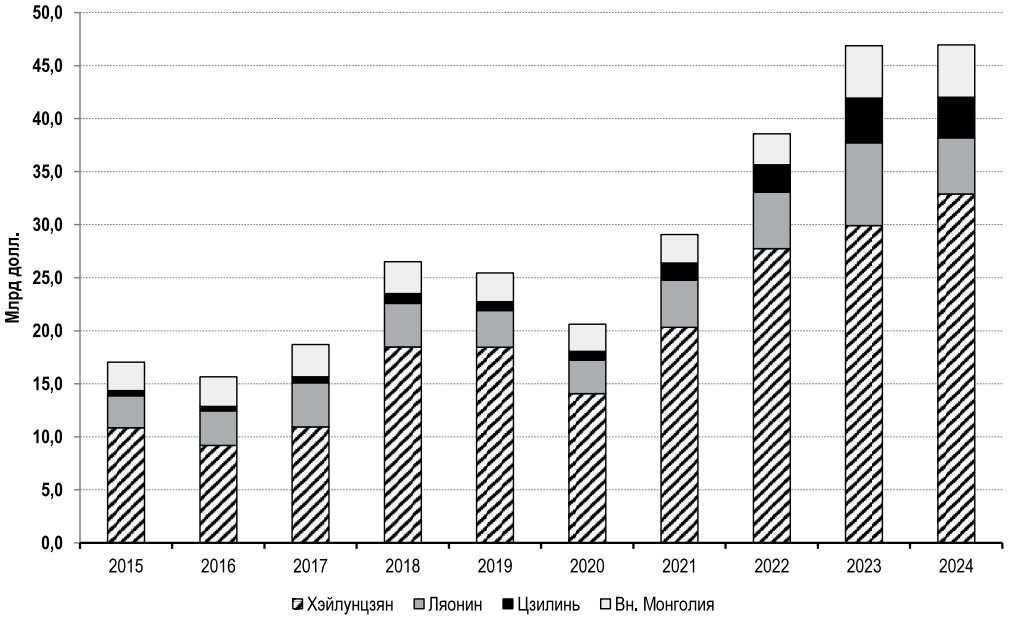

Рис. 2. Товарооборот регионов СВК с Россией.

Источник: данные Главного таможенного управления КНР.

Fig. 2. Trade turnover between the regions of Northeast China and Russia.

Source: data from the General Administration of Customs of the PRC.

превосходя в 6 раз значения 1992 г. (21,7 млрд)[9]. Экономика приграничных регионов СВК превосходила экономику дальневосточных регионов в 1992 г. менее чем в 3 раза, а к 2024 г. – почти в 13 раз. Следует заметить, что по размеру ВРП большая часть экономики Дальнего Востока к 2024 г. генерировалась в северных регионах, в которых проживало менее 37% населения макрорегиона, но производился основной объём экспортных сырьевых товаров. В приграничных регионах СВК к 2024 г. проживало 79,6 млн человек, что в 16 раз превосходит соответствующий показатель по приграничным дальневосточным регионам. По среднедушевому ВРП, несмотря на большой разброс показателя по регионам[10], Дальний Восток превосходил СВК. К 2024 г. по размеру среднедушевого ВРП в СВК лидировал АР Внутренняя Монголия (14 879 долл.), далее следовали провинции Ляонин (10 598 долл.), Хэйлунцзян (10 104 долл.) и Цзилинь (7345 долл.). За 2010-е – первую половину 2020-х гг. значения среднедушевого ВРП приграничных с КНР дальневосточных регионов в целом были сопоставимы с китайскими, указывая на наличие платёжеспособного спроса по обе стороны границы и, соответственно, возможностей развития и расширения двусторонних экономических взаимодействий.

В соответствии с данными статистики внешней торговли КНР, товарооборот СВК с Россией к 2024 г. составил 47,0 млрд долл., из которого на приграничные с Дальним Востоком регионы Китая (за исключением Ляонина)

[9] По состоянию на 1992 г.: Амурская область – 1,9 млрд долл., ЕАО – 0,3 млрд долл., Забайкальский край – 1,9 млрд долл., Камчатский край – 0,9 млрд долл., Магаданская область – 0,9 млрд долл., Приморский край – 4,1 млрд долл., Республика Бурятия – 2,5 млрд долл., Республика Саха (Якутия) – 3,4 млрд долл., Сахалинская область – 1,2 млрд долл., Хабаровский край – 4,4 млрд долл., ЧАО – 0,2 млрд долл. Рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики России.

[10] По состоянию на 2024 г.: Республика Бурятия – 6430 долл.; ЕАО – 8537 долл.; Забайкальский край – 9984 долл.; Приморский край – 12 820 долл.; Хабаровский край – 13 421 долл.; Амурская область – 14 726 долл.; Камчатский край – 17 430 долл.; Республика Саха (Якутия) – 27 166 долл.; Сахалинская область – 39 605 долл.; Магаданская область – 42 345 долл.; ЧАО – 50 674 долл.

Табл. 1. Доля регионов СВК в торговле с Россией
Table 1. Share of the Regions of Northeast China in trade with Russia

Регион	Доля %	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
АР Внутренняя Монголия	1	1,7	1,7	1,2	0,8	0,8	0,8	0,8	1,0	2,3	2,5
	2	10,7	14,4	10,2	7,1	7,1	7,9	7,4	8,6	23,2	23,9
	3	6,2	6,7	6,1	4,4	3,8	3,7	2,7	1,9	1,8	1,6
	4	29,2	29,7	28,2	26,1	22,0	21,1	18,2	15,9	14,0	12,0
Ляонин	1	2,7	2,1	2,2	2,3	2,3	1,8	1,7	2,2	1,8	1,9
	2	1,8	1,8	2,1	2,3	2,5	2,3	2,3	3,1	4,1	4,2
	3	6,3	7,6	7,7	5,1	3,8	3,9	4,1	3,2	4,5	2,4
	4	4,6	5,7	5,8	4,6	3,9	4,0	4,8	5,7	9,8	5,7
Цзилинь	1	0,7	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5	0,7	1,3	2,6	2,2
	2	5,3	3,7	3,8	3,9	5,2	5,9	8,4	12,9	32,4	27,1
	3	0,8	0,9	1,0	1,3	1,0	1,0	1,5	1,4	1,0	1,0
	4	1,8	2,0	2,8	4,7	4,2	4,1	6,6	10,1	8,9	8,2
Хэйлунцзян	1	6,8	4,6	3,6	2,4	2,9	2,7	2,4	3,4	3,7	4,5
	2	29,3	33,8	29,9	25,4	28,6	26,2	23,9	31,5	37,9	42,9
	3	25,5	23,2	22,7	29,3	27,8	22,1	23,5	22,0	20,0	21,3
	4	65,5	65,1	68,3	78,8	77,2	74,6	78,0	79,8	81,8	87,4

Примечание: 1 – доля региона в экспорте из Китая в Россию; 2 – доля России в экспорте региона; 3 – доля региона в импорте в Китай из России; 4 – доля России в импорте региона.

Источник: рассчитано по данным Главного таможенного управления КНР.

Note: 1 – the region's share in China's exports to Russia; 2 – Russia's share in the region's exports; 3 – the region's share in China's imports from Russia; 4 – Russia's share in the region's imports.

Source: calculated based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China.

приходилось 41,7 млрд долл., что увеличилось по сравнению с 2015 г. в 2,8 и 3 раза соответственно. После сокращения торговли в 2020 г., т. е. в первый год пандемии COVID-19, с 2021 г. товарооборот СВК с российским рынком показал существенный рост в первые два года широкомасштабных санкций против России со стороны "западных" стран, введённых в 2022 г. *(рис. 2)*.

Основная доля в товарообороте регионов СВК с российским рынком приходилась на Хэйлунцзян, составив 70,0% к 2024 г., что объясняется наращиванием поставок углеводородного сырья из сибирских регионов и Якутии по созданной трубопроводной инфраструктуре. Также после значительного сокращения поставок сибирской и дальневосточной лесной продукции на японский рынок Хэйлунцзян постепенно стал важнейшим конечным и промежуточным рынком сбыта для данных товаров из России.

Доля российской продукции в импорте Хэйлунцзяна к 2024 г. составила 87,4%, увеличившись почти на 22 п. п. с 2015 г. В условиях соблюдения карантинных мер в рамках пандемии COVID-19, а далее – широкомасштабных санкций против российской экономики, за счёт опережающих поставок сырой нефти и нефтепродуктов из России в приморские регионы КНР и в Синьцзян-Уйгурский АР, доля Хэйлунцзяна в импорте из России в Китай сократилась с 27,8% в 2019 г. до 21,3% в 2024 г. (табл. *1*).

При некотором росте стоимостных объёмов доля России в импорте АР Внутренняя Монголия тем не менее также сократилась при наращивании интенсивности поставок российских товаров в другие регионы КНР. Доля России в импорте Цзилиня была небольшой, однако в рамках СВК данный ки-

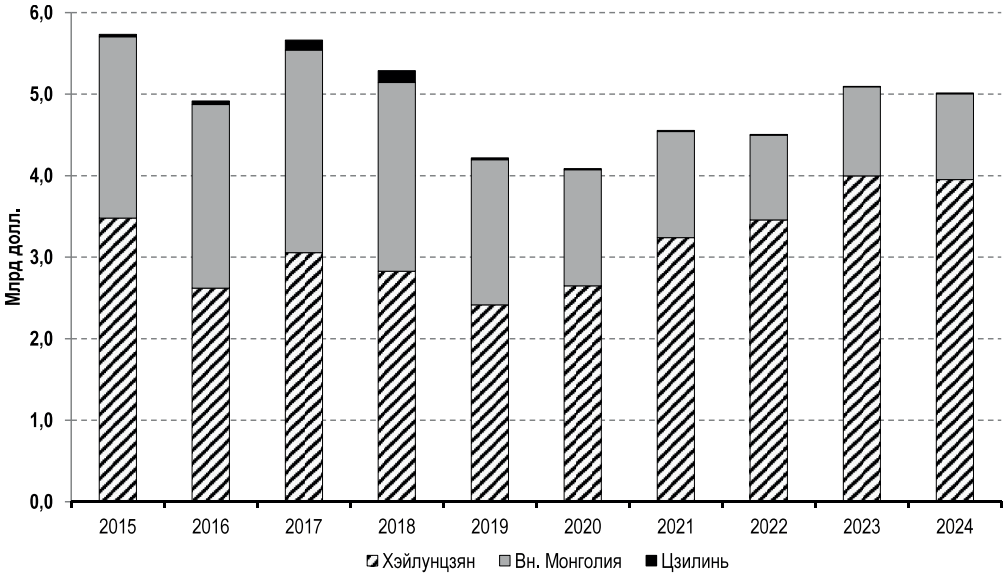

Рис. 3. Приграничная торговля регионов СВК с Россией
Источник: данные Главного таможенного управления КНР.
Fig. 3. Border trade between the regions of Northeast China and Russia
Source: data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China.

тайский регион стал основным импортёром российской рыбной продукции по транспортному коридору "Приморье-2".

В условиях санкций появилась также потребность в насыщении российского рынка потребительскими и инвестиционными товарами для замещения продукции "западных" стран. При том что основная доля в экспорте на российский рынок традиционно приходилась на приморские регионы Китая - провинции Гуандун, Чжецзян и Цзянсу, а также город центрального подчинения Шанхай **[7]**), регионы СВК также нарастили поставки в Россию в условиях санкций. Так, к 2024 г. доля России в экспорте провинции Хэйлунцзян достигла 42,9%, Цзилинь – 27,1%, АР Внутренняя Монголия – 23,9% за счёт поставок потребительских и инвестиционных товаров, производимых, в том числе, в данных приграничных регионах КНР.

Поскольку ранее имелись свидетельства функционирования "промышленных дуг" в Хэйлунцзяне вдоль границы **[3]**, в рамках которых, пусть в ограниченном масштабе, перерабатывались сырьевые товары из сибирских и дальневосточных регионов для внутреннего китайского рынка, в условиях разворота российской экономики к Китаю для приграничных регионов СВК появилась возможность более масштабного использования потока сырьевых товаров из России для извлечения добавленной стоимости, качественного улучшения и общей оптимизации региональных экономик.

На фоне расширяющейся торговли между СВК и Россией масштаб приграничного товарооборота данных китайских регионов с российским рынком, а по сути, с ближайшими регионами Дальнего Востока, стал выглядеть довольно скромно. Так, в 2024 г. стоимостной объём приграничной торговли регионов СВК с Россией составил 5,3 млрд долл. *(рис. 3)* или 12,0% товарооборота данных приграничных китайских регионов с российским рынком, снизившись с 40,9% в 2015 г.

Доля России[11] в суммарной приграничной торговле Китая с зарубежными странами была небольшой, составив лишь 8,6% в 2024 г., заметно уступая Казахстану (26,4%), Вьетнаму (25,6%) и Киргизии (24,8%). Поскольку приграра-

[11] В рамках приграничной торговли только регионов СВК, за исключением Синьцзян-Уйгурского АР.

Табл. 2. Доля регионов СВК в приграничной торговле с Россией
Table 2. Share of the Regions of Northeast China in border trade with Russia

Регион	Доля %	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
АР Внутренняя Монголия	1	12,8	12,1	11,6	11,4	12,5	13,0	9,8	8,9	9,6	11,1
	2	57,5	64,9	64,2	60,2	61,9	43,8	39,4	36,1	39,5	42,1
	3	47,8	53,0	51,1	48,2	47,2	41,5	35,9	31,3	30,9	32,7
	4	74,8	72,3	55,5	46,7	37,9	40,5	41,1	23,6	19,0	21,2
Цзилинь	1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	<0,1	0,1	0,1	<0,1
	2	1,7	2,0	2,2	2,6	3,7	25,2	93,1	97,8	9,7	<0,1
	3	0,7	1,1	2,8	3,4	0,6	0,5	0,5	0,3	0,2	0,6
	4	18,4	26,8	48,8	86,1	51,8	79,9	85,6	74,3	59,6	42,5
Хэйлунцзян	1	64,2	43,3	49,5	33,6	38,0	74,9	74,3	79,5	79,7	78,8
	2	100,0	100,0	100,0	100,0	99,9	99,9	99,2	99,1	99,3	100,0
	3	50,7	45,0	44,8	47,2	51,3	57,4	63,6	68,1	68,8	66,5
	4	99,6	97,9	99,9	98,9	99,2	99,9	99,7	99,6	99,8	99,8

Примечание: 1 – доля региона в экспорте (в рамках приграничной торговли) из Китая в Россию; 2 – доля России в экспорте региона (в рамках приграничной торговли); 3 – доля региона в импорте (в рамках приграничной торговли) в Китай из России; 4 – доля России в импорте (в рамках приграничной торговли) региона. Помимо трёх регионов СВК приграничную торговлю с Россией также осуществляет Синьцзян-Уйгурский АР.

Источник: рассчитано по данным Главного таможенного управления КНР.

Note: 1 – the region's share in China's exports to Russia (within the framework of border trade); 2 – Russia's share in the region's exports (within the framework of border trade); 3 – the region's share in China's imports from Russia (within the framework of border trade); 4 – Russia's share in the region's imports (within the framework of border trade). In addition to the three regions of Northeast China, the Xinjiang Uyghur Autonomous Region also engages in border trade with Russia.

Source: calculated based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China.

ничная торговля Китая с Казахстаном и Киргизией с 2022 г. резко возросла, данное обстоятельство даёт основание утверждать, что определённая часть товаров из Синьцзян-Уйгурского АР через ЕАЭС, в который входит Россия, стала поступать на российский рынок в условиях широкомасштабных санкций. Следует заметить, что на приграничную торговлю китайских регионов, как и на товарооборот СВК с Россией в целом, сдерживающее влияние оказало периодическое закрытие границ в связи с пандемией COVID-19. Тем не менее, по отношению к 2015 г. общее сокращение объёма приграничной торговли СВК с Россией происходило за счёт снижения взаимодействий со стороны АР Внутренняя Монголия и провинции Цзилинь. При этом наблюдался рост приграничной торговли с Россией до 4,0 млрд в 2024 г. для Хэйлунцзяна, доля которого в рамках СВК выросла до 77,0% *(табл. 2)*.

В результате в суммарном объёме приграничной торговли КНР с Россией на Хэйлунцзян к 2024 г. приходилось 78,8% экспорта и 66,5% импорта, на Внутреннюю Монголию – 11,1% и 32,7%, а на Цзилинь – менее 0,1% и 0,6% соответственно. Более детальный анализ показал, что до 2022 г. включительно в приграничной торговле СВК с Россией доминировали поставки российских сырьевых товаров, главным образом лесной продукции. С 2023 г. за счёт вывоза из Хэйлунцзяна разнообразной промышленной продукции в Россию приграничная торговля СВК стала также заметным источником поставок товаров

Табл. 3. Товарооборот регионов Дальнего Востока с Китаем, млрд долл.
Table 3. Trade turnover between RFE regions and China, bln USD

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего по регионам Дальнего Востока	11,0	10,1	12,9	17,1	17,1	15,8	22,7
Всего по приграничным с КНР регионам	5,5	5,0	6,3	7,6	6,8	7,2	9,2
Приморский край	3,7	2,9	3,3	4,1	4,2	4,2	5,1
Забайкальский край	0,5	0,5	0,7	0,9	0,9	1,4	1,8
Хабаровский край	0,7	1,1	1,6	1,9	1,0	0,9	1,2
Амурская область	0,5	0,4	0,5	0,6	0,5	0,5	0,6
ЕАО	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1	0,2	0,4
Всего по остальным регионам	5,5	5,1	6,6	9,5	10,3	8,5	13,6
Республика Саха (Якутия)	3,9	3,5	4,7	6,7	7,2	5,3	10,4
Сахалинская область	1,0	1,0	1,2	1,9	2,2	1,9	2,0
Республика Бурятия	0,2	0,2	0,3	0,4	0,3	0,6	0,6
ЧАО	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3
Камчатский край	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4	0,4	0,2
Магаданская область	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	0,1	0,1	<0,1

Источник: рассчитано по данным Федеральной таможенной службы и отраслевой статистики России.
Source: calculated based on data from the Federal Customs Service and Russian sectoral statistics.

на рынок сопредельных с Китаем российских регионов, превзойдя по объёму встречный поток сырьевого импорта[12] с российской территории[13].

Что касается России, то с марта 2022 г. таможенная статистика торговли российских регионов не публикуется ввиду конфиденциальности информации. Анализ таможенной статистики России показал, что товарооборот приграничных дальневосточных регионов с Китаем уступал остальным регионам Дальнего Востока по состоянию на 2021 г. *(табл. 3)*.

Главной причиной сложившегося дисбаланса между приграничными и остальными регионами Дальнего Востока в торговле с КНР являлось наращивание поставок углеводородного сырья из Якутии на китайский рынок через Хэйлунцзян. Помимо этого, осуществлялись поставки сырой нефти и сжиженного природного газа из Сахалинской области в приморские провинции Китая, которые предъявляли высокий платёжеспособный спрос на такую продукцию. Из приграничных дальневосточных регионов традиционно большую долю в торговле с Китаем занимал Приморский край благодаря развитой портовой и железнодорожной инфраструктуре, позволяющей ввозить из КНР различную продукцию и экспортировать сырьевые товары из других российских регионов. Также был заметен товарооборот с КНР Забайкальского края, на территории которого расположены крупнейший железнодорожный переход с АР Внутренняя Монголия и предприятия горно-обогатительного комплекса с прямыми инвестициями из Китая, и Хабаровского края – за счёт экспорта нефтепродуктов и лесной продукции. ЕАО и Амурская область в данный период преимущественно экспортировали в Китай продукцию сельского хозяйства, а также лесного комплекса.

[12] В рамках приграничной торговли.

[13] По состоянию на 2024 г. для регионов СВК в рамках приграничной торговли с Россией их экспорт составил 3,0 млрд долл., импорт – 2,2 млрд долл. соответственно (на Хэйлунцзян приходилось 2,6 млрд долл. экспорта и 1,5 млрд долл. импорта).

Доля Китая в торговле всех регионов Дальнего Востока к 2021 г. стала довольно заметной, особенно для ряда приграничных с ним дальневосточных регионов – ЕАО, Забайкальского края и Амурской области. Для остальных дальневосточных регионов доля Китая в импорте в целом была небольшой за счёт больших объёмов поставок инвестиционных товаров из других стран для поддержания инфраструктуры добычи нефти и природного газа на шельфе Сахалинской области, а также для горнодобывающих комплексов в северных регионах Дальнего Востока. В рамках "ресурсного транзита" для России в целом важность регионов Дальнего Востока при взаимодействии с КНР заключалась прежде всего в наращивании чистого экспорта, главным образом за счёт поставок углеводородного сырья из Якутии, а также, в меньшей степени, Сахалинской области и некоторых приграничных с Китаем дальневосточных регионов. Доля приграничных регионов Дальнего Востока в импорте из КНР для российской экономики была небольшой и заметной только для Приморского края, выполняющего функции транзитной территории для поставок товаров из Китая по морю на российский рынок.

Однако после 2022 г. Китай стал крупнейшим российским торговым партнёром на фоне вводимых широкомасштабных санкций против России. В таких условиях для России южные регионы Дальнего Востока стали рассматриваться как важное звено переключения на тихоокеанское направление сырьевых товаров, ранее поступавших на европейский рынок, а также для наращивания импорта из Китая и других стран АТР с целью восполнения рыночных ниш ввозимой ранее продукции из Европейского союза и США. По имеющимся оценкам, с 2023 г. по настоящее время Китай занял основную долю во внешнем товарообороте Дальнего Востока (свыше 70%), став главным покупателем сырой нефти макрорегиона, свободный экспорт которой из России ограничен санкциями "западных" стран, при диспаритете цен в пользу китайского рынка. Для активизации трансграничных перевозок российская сторона также вела переговоры с КНР об открытии дополнительных пунктов пропуска на границе двух стран в Амурской области и Хабаровском крае, а регионы СВК стали для Дальнего Востока важнейшим источником импорта и транспортным "хабом" для авиаперевозок в страны АТР.

Заключение

Развитие форм экономического сотрудничества между регионами юга Дальнего Востока и СВК находится в прямой зависимости от внутренних процессов в России и Китае. В моделях внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока роль СВК была различной. В модели "естественной экономической территории" в СВА СВК рассматривается для Дальнего Востока как донор рабочей силы и капитала, при этом в рамках "Япономорского интеграционного кольца" и "интеграционной приграничной зоны" – как партнёр в создании безбарьерного экономического пространства и совместной инфраструктуры. Модель "ресурсного транзита" рассматривала взаимодействия Дальнего Востока и СВК как косвенные, в условиях развития инфраструктуры экспорта сырьевых товаров в СВА в целом и на китайский рынок в частности. В последствии, в рамках модели "промышленно-сервисных дуг", СВК для Дальнего Востока, с одной стороны, рассматривался как прямой конкурент в переработке части потока сырьевого экспорта, следующего из других российских регионов через дальневосточный юг в страны АТР, с другой – как один из рынков сбыта для продукции переработки.

Анализ показал на наличие условий притяжения торговли Дальнего Востока к СВК. С момента ухудшения политических отношений России с "западными" странами, регионы СВК, особенно Хэйлунцзян, стали бенефициарами консолидации, переработки и распределения на китайском рынке сырьевых товаров из России в целом и из Дальнего Востока в частности, особенно после введённых с 2022 г. санкций против российской экономики. Санкции против российской экономики, создав барьеры для взаимодействий с большинством "западных" стран, открыли возможности для увеличения приграничной торговли с Хэйлунцзяном. В таких условиях доля Китая в торговле Дальнего Востока стала подавляющей, а значение южных дальневосточных регионов как "контактной" зоны для взаимодействия с китайской экономикой возросло, способствуя наращиванию государственных инвестиций в транс-

портную инфраструктуру макрорегиона для расширения транзитных потоков с КНР. При этом следует понимать, что, несмотря на имеющиеся потребности южных регионов Дальнего Востока, в развитии приграничного сотрудничества с регионами СВК, ограниченность возможностей для такого рода взаимодействий на региональном уровне представляет собой одну из системных характеристик российской внешнеэкономической политики, проявляющейся в жёстком контроле над внешнеторговыми потоками, являясь одной из черт развития национальной экономики с сырьевой доминантой экспорта и масштабного перераспределения рентных платежей через центральный бюджет.

Литература / References

1. Бакланов П. Я., Ларин В. Л. Российско-китайское сотрудничество: долгосрочные предпосылки и направления // Пространственное развитие Тихоокеанской России: структурные особенности, факторы, основные направления / под ред. П. Я. Бакланова, А. В. Мошкова. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2023. С. 143–160.
   Baklanov P. Y., Larin V. L. Russian-Chinese cooperation: long-term prerequisites and directions // Spatial development of Pacific Russia: structural features, factors, main directions / ed. by P. Y. Baklanov, A. V. Moshkov. Vladivostok: TIG FEB RAS, 2023. P. 143–160. (In Russ.)
2. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / под ред. Н. И. Воропая, Б. Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
   The Eastern Vector of Russia's Energy Strategy: Current State and Outlook for the Future / ed. by N. I. Voropai, B. G. Saneev. Novosibirsk: Geo, 2011. 368 p. (In Russ.)
3. Е Сяофэн. Создать открытую зону в пограничных районах, способствовать развитию районной экономики // Сборник сочинений IV Международного форума по региональному сотрудничеству и развитию между Китаем и Россией. Харбин, 2006. С. 84–86.
   Ye X. To create an open zone in border areas and to promote the development of regional economies // Proceedings of the IV International Forum on Regional Cooperation and Development between China and Russia. Harbin, 2006. P. 84–86. (In Russ.)
4. Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М.: АСТ Восток-Запад, 2006. 336 с.
   Ivashita A. 4000 kilometers of problems. Russian-Chinese border. Moscow: AST East-West, 2006. 336 p. (In Russ.)
5. Изотов Д. А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021. № 2. С. 124–137. https://doi.org/10.31857/S013128120014753-9
   Izotov D. A. Directions of economic interactions between Russia and the APR countries: the case of the Russian Far East. *Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Studies]*. 2021. No. 2. P. 124–137. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S013128120014753-9
6. Изотов Д. А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее. *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176. https://doi.org/10.14530/se.2014.2.149-176
   Izotov D. A. Program of Regional Collaboration between Eastern Part of Russia and Northeast China: Present and Future. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics].* 2014. No. 2. P. 149–176. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2014.2.149-176.
7. Изотов Д. А. Специфика кластерных структур в китайской экономике. *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 3. С. 18–38.
   Izotov D. A. Specificity of Cluster Structures in the Chinese Economy. *Regionalistica*. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 18–38. (In Russ.)
8. Изотов Д. А., Юн С. Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2011. № 4. С. 8–21.
   Izotov D. A., Yun S. E. Cross-border cooperation as an object of research. *Ojkumena. Regional Researchers.* 2011. No. 4. P. 8–21. (In Russ.)
9. Ишаев В. И., Минакир П. А. Дальний Восток России: реальности и возможности экономического развития. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. 140 с.
   Ishaev V.I ., Minakir P. A. The Russian Far East: Realities and Possibilities of Economic Development. Khabarovsk: FEB RAS, 1998. 140 p. (In Russ.)
10. Ларин В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
    Larin V. L. China and the Russian Far East in the first half of the 90s: problems of regional interaction. Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 284 p. (In Russ.)
11. Ларин В. Л. На обочине глобальных политик: российско-китайское взаимодействие в Северо-Восточной Евразии // Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихооке-

анская Россия между двумя глобальными кризисами. Владивосток: ИП Шульга В. Б., 2022. С. 420–450.
Larin V. L. On the Margins of Global Politics: Russian-Chinese Interaction in Northeastern Eurasia // A Decade of Disappointed Expectations: Pacific Asia and Pacific Russia between Two Global Crises. Vladivostok: SP Shul'ga V. B., 2022. P. 420–450. (In Russ.)
12. Минакир П. А. Россия–Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы. *Пространственная экономика.* 2009. № 3. С. 7–19. https://doi.org/10.14530/se.2009.3.007-019
Minakir P. A. Russia and China in the Far East: Virtual Fears and Real Threats. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics].* 2009. No. 3. P. 7–19. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2009.3.007-019.
13. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А. Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2006. 848 с.
Minakir P. A. Economy of Regions. Far East / ed. by A. G. Granberg. Moscow: Economika Publishing House, 2006. 848 p. (In Russ.)
14. Немчинов В. С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил. *Вопросы экономики.* 1961. № 6. С. 3–15.
Nemchinov V. S. Theoretical issues of rational allocation of productive forces. *Voprosy ekonomiki.* 1961. No. 6. P. 3–15. (In Russ.)
15. Рыжова Н. П. Развитие окраинных регионов КНР: роль "приграничного пояса открытости". *Пространственная экономика.* 2008. № 4. С. 36–59. https://doi.org/10.14530/se.2008.4.036-059
Ryzhova N. P. Developing China's Marginal Regions: The Role of "The Open Border Belt". *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics].* 2008. No. 4. P.36–59. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2008.4.036-059.
16. Рыжова Н. П. Экономическая интеграция приграничных регионов / отв. ред. акад. РАН Минакир П. А. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
Ryzhova N. P. Economic integration of border regions / ed. by P. A. Minakir. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2013. 352 p. (In Russ.)
17. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
The Synthesis of scientific-technical and economic forecasts: Pacific Russia – 2050 / ed. by P. A. Minakir, V. I. Sergienko. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 912 p. (In Russ.)
18. Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2004. 352 с.
Economic integration: spatial aspect / ed. by P. A. Minakir. Moscow: Economika Publishing House, 2004. 352 p. (In Russ.)
19. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П. А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.
Economic cooperation between the Russian Far East and APR countries / ed. by P. A. Minakir. Khabarovsk: RIOTIP, 2007. 208 p. (In Russ.)
20. Chang D. The Russian Far East and Northeast Asia: An Emerging Cooperative Relationship and Its Constraints. *Asian Perspective.* 2002. Vol. 26, No. 2. P. 41–75. https://dx.doi.org/10.1353/apr.2002.0023.
21. Izotov D. A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries. *Studies on Russian Economic Development.* 2017. Vol. 28, No. 3. P. 338–345. https://doi.org/10.1134/S1075700717030078
22. Izotov D. A. The Russian Far East as a Border Macroregion in the Asia-Pacific. *Regional Research of Russia.* 2024. Vol. 14, No. 2. P. 262–271. https://doi.org/10.1134/S2079970524600136
23. Izotov D.A., Tochkov K.I. Interaction of the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Assessment of Institutional and Tariff Barriers to Trade. *Regional Research of Russia.* 2020. Vol. 10, No. 2. P. 182–193. https://doi.org/10.1134/S2079970520020069
24. Kerr D. Opening and closing the Sino-Russian border: Trade, regional development and political interest in North-East Asia. *Europe-Asia Studies.* 1996. Vol. 48, No. 6. P. 931–957. https://doi.org/10.1080/09668139608412392
25. Malle S. Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behavior. *Journal of Eurasian Studies.* 2017. Vol. 8, No. 2. P. 136–150. https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003
26. Scalapino R. A. The Politics of Development: Perspectives on Twentieth-Century Asia. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1989. 137 p.
27. Stephan J. J., Chichkanov V. P. Soviet-American Horizons on the Pacific. University of Hawaii Press, 1986. 182 p.
28. Tochkov K. Trade Efficiency, Cross-Border Integration, and Regional Barriers in Northeast China. *The Chinese Economy.* 2022. Vol. 55, No. 1. P. 13–25. https://doi.org/10.1080/10971475.2021.1892921
29. Toma T. For Closer Regional and District-Based Cooperation and Unified Effort // Regional Economic Cooperation in Northeast Asia. Proceedings of the Yongpyeong Conference. September 26-28, 1993. Yongpyeong, South Korea. Northeast Asia Economic Forum, Hawaii Asia-Pacific Institute, 1994. P. 254–256.

30. Yotov Y. V. Gravity at Sixty: The Workhorse Model of Trade. CESifo Working Paper. No. 9584. Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo), Munich, 2022. https://doi.org/10.2139/ssrn.4037001

◆

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Изотов, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: izotov@ecrin.ru

Information about the author

Dmitry A. Izotov, Doctor of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia, e-mail: izotov@ecrin.ru

Поступила в редакцию 01.04.2026 Одобрена после рецензирования 19.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 01.04.2026 Approved 19.08.2026 Accepted 25.08.2026